Мегрелишвили Т.
Тбилиси, Грузия

ORCID ID: –
E-mail: tatamegre@gmail.com

УДК 821.161.1-6
DOI 10.26170/FK19-01-06
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-49
ГСНТИ 17.07.41
КОД ВАК 10.01.08

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БИБЛЕЙСКИХ МЕТАФОР ИЗГНАНИЯ/ИСХОДА В МЕМУАРНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРНЫХ ТЕКСТОВ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»)

Аннотация. Библейские метафоры изгнания/исхода как компонент тропики в мемуарном дискурсе русской эмиграции «первой волны» не становились предметом специального исследования. Однако именно эти метафоры часто реализуют авторские интенции. Целью данного исследования является анализ метафорического воплощения интенций на материале библейских метафор изгнания/исхода. В статье очерчена теоретическая база изучения тропики мемуарного дискурса, актуализирован вопрос изучения данного явления на материале русской эмиграции «первой волны»; рассмотрены взаимосвязи интенции и ее метафорического воплощения в мемуарном тексте, предложена методика исследования интенций с помощью метафор, описаны интенционные группы библейских метафор изгнания/исхода в текстах мемуаров, обозначена их роль в текстах мемуаров. Объектом исследования служат тексты мемуарных произведений русской эмиграции «первой волны». Избранный ракурс исследования позволил углубить представление о природе коммуникативного акта в мемуарах, чему способствовало выделение языковых средств выражения целевого назначения. Учитывая, что интенция обычно не выражается в тексте вербально, выделение указанных средств выражения как когнитивно-стилистических приемов автора позволило раскрыть литературные значения, порождаемые исторически сложившимся, социально определенным комплексом культуры – в данном случае, эпохи Серебряного века, а также культуры русского Зарубежья. Применение указанной методологии способствует дальнейшему изучению картины мира автора-эмигранта и способствует углублению понимания творческого сознания художника, жившего в эпоху исторического перелома.

Ключевые слова: русская эмиграция; писатели-эмигранты; мемуары; библейские метафоры, русская литература; русские писатели; литературное творчество.

Megrelishvili T.
Tbilisi, Georgia

THE FUNCTIONING OF BIBLICAL METAPHOR OF EXILE/EXODUS IN A MEMOIR DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF MEMOIR TEXTS RUSSIAN EMIGRATION "FIRST WAVE")

Abstract. The biblical metaphor of exile/exodus as a component of the tropics in the memoir discourse of the Russian emigration of the "first wave" did not become the subject of a special study. Meanwhile, an analysis of the literary memoirs of the Russian Diaspora shows that often the metaphor, including the biblical metaphor of exile/exodus, becomes a way of implementing author's intentions. Thus, the purpose of this study is to analyze the metaphorical embodiment of intentions as one of the directions of their study on the material of the biblical metaphor of exile / exodus. In the work, a general philological method of interpreting memoirs was used, which implies the literary and linguistic methods of authorial intentions. The article outlines the theoretical basis for studying the tropics of memoir discourse, actualizes the issue of studying this phenomenon on the material of the Russian emigration of the "first wave"; considered the relationship of the intention and its metaphorical embodiment in the memoir text, proposed a method of investigation of intentions using metaphor, describes the intentional groups of biblical metaphors of exile / exodus in the texts of memoirs as a set of intentions combined to reflect on a wide range of events that influenced historical processes and marked them role in the texts of memoirs.

The object of the research is the texts of memoirs of the Russian emigration of the "first wave". The chosen perspective of the study allowed deepening the understanding of the nature of the communicative act in the memoirs, which was facilitated by the allocation of linguistic means of expression of the intended purpose. Considering that the intention is usually not verbally expressed in the text, the allocation of these means of expression as cognitive-stylistic techniques allowed the author to reveal literary meanings generated by the historically established, socially defined complex of culture – in this case, the era of the Silver Age, as well as the culture of Russian Abroad. The use of this methodology contributes to the further study of the picture of the world of the emigrant and contributes to the deepening of the understanding of the creative consciousness of the artist who lived in the era of historical change.

Keywords: Russian emigration; immigrant writers; memoirs; biblical metaphors, Russian literature; Russian writers; literary creativity.

Для цитирования: Мегрелишвили, Т. Функционирование библейских метафор изгнания/исхода в мемуарном дискурсе (на материале мемуарных текстов русской эмиграции «первой волны») / Т. Мегрелишвили // Филологический класс. – 2019. – № 1. – С. 44–50. DOI 10.26170/fk19-01-06.

For citation: Megrelishvili, T. The functioning of biblical metaphor of *exile/exodus* in a memoir discourse (on the material of memoir texts Russian emigration "first wave") / T. Megrelishvili // Philological Class. – 2019. – № 1. – P. 44–50. DOI 10.26170/fk19-01-06.

© Т. Мегрелишвили, 2019

Изгнание – в Ветхом Завете повествование о насильственном переселении народа Израиля в Египет (или в Ассирию – т. н. второе изгнание). Исход – одно из важнейших событий, описанных в Ветхом Завете, включающее несколько тем.

Тема *изгнания/исхода* встречается во многих ветхозаветных книгах. Упоминание об изгнании/исходе обнаруживается в межзаветной литературе и в литературе эллинистического иудаизма.

В Новом Завете аллюзии на *изгнание/исход* содержатся уже в первых главах. Символикой Исхода наполнен и рассказ о преображении на горе Фавор, и многие другие эпизоды Евангелий. Древние христианские авторы уделяли повышенное внимание истолкованию событий Исхода. Тексты Книги Исхода получили широкое распространение в Православии.

Очевидно, библейское повествование об изгнании народа Израиля имеет пратекст – изгнание первых людей из Рая вследствие их непослушания Богу. С древности повествование об изгнании постепенно наполнялось метафорическим смыслом, демонстрируя движение в сторону метафоризации – превращения в смысловое целое, наполнение которого раскрывается в переносном смысле на основе аналогии, сходства, сравнения. Так становится понятным, как тема *изгнания/исхода* оказалась построена по метафорической модели.

Изгнание и изгнанник – «сквозной» образ и «вечная» тема мировой литературы, поднявшаяся на авансцену литературного процесса в эпоху романтизма. Русская литература XIX столетия демонстрирует разные вариации образа изгнанника и темы изгнания, наполняя ее особым, «русским» элементом: это странствующий герой, чья жизнь протекает в дороге (мотив дороги как компонент темы изгнания и один из ее маркеров).

Несмотря на серьезные изменения ведущих эстетических манифестаций в русской литературе на рубеже XIX–XX вв., указанные образ и мотив фиксируются в произведениях авторов Серебряного века. К этому времени оба компонента поэтики стали органичными для русской литературы, наполнились особой этноментальной спецификой и сформировали специфическую повествовательную модель с метафорическим основанием в виде метафор изгнания/исхода.

В период 1917–1922 гг. доселе единое русло русской литературы разделилось на два потока – «материковую», развивавшуюся в Советской России, а затем в СССР, и «островную», литературу эмиграции. Внутренне созвучная эмигрантской душе указанная повествовательная модель нашла свое неожиданное воплощение в мемуарах эмиграции.

Став предметом научного осмысления сравнительно недавно, мемуарная литература русской эмиграции «первой волны» на начальном этапе изучения рассматривалась исследователями в рамках проблем определения/уточнения характеристик мемуарного жанра, вопросов жанровых границ мемуарной прозы.

Интересные наблюдения над мемуарной прозой были сделаны Т. М. Колядич [Колядич 1998]. Очевидно, однако, что указанное исследование, равно как и исследование Е. Г. Местергази [Местергази 2008], опирается и развивает положения монографии Л. Я. Гинзбург «О психологической прозе» [Гинзбург 1977], в которой концептуально были обоснованы не только особенности мемуарного жанра и его разновидностей, но и доказано дискутируемое на момент выхода монографии в свет положение о присутствии художественности в мемуарных текстах, равно как и рассмотрены многие другие фундаментальные вопросы осмысления мемуарных произведений.

Ряд диссертационных и монографических исследований творчества писателей-эмигрантов, в том числе и мемуаров, появившийся на рубеже XX–XXI вв., затрагивает обширный круг вопросов, связанных с жанровой типологией и с вопросами поэтики.

Роль библейских метафор в воплощении интенций в картине мира мемуариста-эмигранта не становилась предметом особого научного осмысления. А между тем анализ литературных мемуаров русского зарубежья показывает: часто способом реализации авторских интенций становится метафора, в том числе библейские метафоры *изгнания/исхода*. Таким образом, целью данного исследования является анализ метафорического воплощения авторских интенций на материале анализа библейских метафор *изгнания/исхода*.

Цель исследования диктует соответствующий методологический подход.

В работе применен общефилологический метод интерпретации мемуарных текстов, подразумевающий использование методик литературоведческого и лингвистического осмысления авторских интенций. Правомочность подобного подхода опирается на концепцию А. Компаньона.

Существенное влияние на выбор опорных подходов при определении методологии исследования оказали фундаментальные литературоведческие работы Д. С. Лихачева, Л. Я. Гинзбург, А. Тартаковского, а также работы в области лингвистической теории А. П. Чудинова и Ю. С. Степанова.

***

Ф. М. Достоевский, в чьем творчестве не раз отмечались провидческие интонации, в январе 1881 года, рассуждая о взаимоотношениях между Россией и Европой, писал «*об исходе нашем из Египта*» и указывал, что из Европы «*мы сами сделали для себя как бы духовный Египет*». Спустя сорок лет после смерти великого прозаика колесо истории повернулось в противоположном направлении: новым «*духовным Египтом*» для многих деятелей русской культуры стало собственное отечество, в котором они оказались лишними, а порой и опасными гражданами. Те, кто понял, что им «*не уцелеть*», как пишет Н. Берберова, в этой новой реальности, предпочли превратиться в апатридов и уехать в ту самую Европу, об «*исходе*» из которой размышлял автор «*Бесов*».

Переместившиеся в Европу (и не только!) представители русской культуры унесли с собой в изгнание культурные традиции Петербургской империи и русского Серебряного века. За пределами собственной страны они образовали некое культурное целое со столицей в Париже.

Афоризм «*Мы не в изгнании, мы – в послании*», приписываемый как З. Гиппиус, так и Д. Мережковскому или Н. Берберовой, стал своеобразным смыслообра-

зующим центром русского культурного «острова». И не случайно в нем декларативно присутствует лексема «*изгнание*». Метафора *исхода* фиксируется у «евразийцев», издавших в 1921 году сборник с красноречивым названием – «Исход к Востоку». Так *изгнанничество/исход* становятся частью актуальной лексики эмиграции и обрастают дополнительными семантическими коннотациями.

После событий 1917 года литература – как развивавшаяся в границах «материковой» культуры, так и литература русской эмиграции – стала одной из форм русского мифа [Демидова 2003: 65-135; Мегрелишвили 2010; Мегрелишвили 2007]. Анализ проблематики большого корпуса литературных мемуаров эмиграции [Мегрелишвили 2005], позволивший вписать их в систему поэтики русской литературы, дает основания утверждать: одной из доминант эмигрантского сознания была склонность к мифологизации реальности. Мифологемы русской эмиграции отражаются в авторских интенциях на уровне мемуарного текста, а в свою очередь интенции реализуются путем метафоризации, в том числе и на метафорически осмысливаемом изгнанничестве, странничестве, исходе.

Мифологема *Дом* в творческой картине мира русского творца-эмигранта задает особые лирические/повествовательные сюжеты, тесно связанные с переживанием комплекса бездомья и бесприютности (коннотативно соотносясь с блужданием в течение 40 лет в пустыне народа Израиля), которые включают в себя:

- блуждание по дорогам чужбины без обретения дома (художественное и мемуарное наследие Г. Иванова, к примеру),
- утрата Дома (метафоризация мифологемы изгнания/изгнания из Рая воплощается, к примеру, в мемуарах Вл. Набокова).

Существование в пространстве съемных квартир, часто неблагоустроенных, пребывание в неродных местах – размышления об этом можно обнаружить практически у каждого мемуариста: «*Это первое наше пребывание в Париже, в 1924 году, перед тем, как вернуться еще на одну зиму в Сорренто к Горькому, оставило во мне чувство* ***бездомности****: <…>*» [Берберова 1996: 136].

Актуализация российской темы как темы утраченного Дома, даже в виде лирической памяти (наиболее распространенное в среде старшего поколения авторов-эмигрантов явление):

«*Квартира, которую она* (мать Набокова – Т. М.) *делила с внуком и Евгенией Константиновной Г., самым близким ее другом, была донельзя убогой. <…> Около ее кушетки, ночью служившей постелью, ящик, поставленный вверх дном и покрытый зеленой материей, заменял столик, и на нем стояли маленькие мутные фотографии в разваливающихся рамках. <…> Как бродячая труппа всюду возит с собой, поскольку не забыты реплики, и дюны под бурей, и замок в тумане, и очарованный остров, – так носила она в себе все, что душа отложила про этот серый день*» [Набоков 1998: 19].

В мемуарном дискурсе осмысление трагедии утраты родины, метафорически воспринятое как трагедия исхода, разделяется как бы на две части:

- осознание собственной вины за произошедшее (интерпретация библейского мифа о грехопадении и изгнании из Рая);
- освобождение от рабства/обретение духовной свободы (интерпретация библейского сюжета книги Исхода).

В последнем случае наблюдается некий «категорический императив» эмигрантской картины мира – только путем утраты родины и Дома можно избежать рабства и сохранить духовную свободу. Описывая парижское бытие супругов Мережковских, Н. Берберова, в частности, приводит такой диалог:

«*– Зина, что тебе дороже: Россия без свободы или свобода без России?*

Она думала минуту.

– Свобода без России, – отвечала она, – и потому я здесь, а не там» [Берберова 1996: 151].

Анализ поэтики мемуаров эмиграции позволяет предположить, что библейская метафора *изгнание/исход* является концептуальной. Концептуальная природа выражается в актуализации на уровне текста авторских интенций, описывающих события хода истории. В сущности, можно говорить о воплощении метафорической повествовательной модели с исходной понятийной сферой «*дорога/пространство*», что актуализирует смыслы, привычные русскому сознанию (*дорога/путь* – один из маркеров русской национальной картины мира) [Жидков 2001], и одновременно раскрывает глубинные пласты осмысления понятий «эмигрант» и «эмиграция».

Рассмотрение библейских метафор *изгнание/исход* как концептуальных переинтерпретирует философскую антиномичность модели. Речь об изменении хронотопных приоритетов: обычно антитетичные, в эмигрантском сознании *прошлое* как часть *вечного* и настоящее, сиюминутное сосуществуют в сложном, взаимопроникающем единстве.

Модифицированная модель влияет на семантику повествования в большинстве мемуаров (см., к примеру: «*К этому же времени относится также первое мое* ***ощущение связи времен***», «*это признание шва, признание самой себя швом особенно плодотворно: оно дает ответ на жизнь моего* ***поколения, существующего в двух мирах: одном, идущем к концу, и другом едва начинающемся****, оно дает покой и полноту существования в раздробленном, искаженном и беспокойном мире. На стыке* ***старого*** *и* ***нового*** *– умирания одной эпохи и рождения другой, которое продолжается уже лет пятьдесят,* ***мы сливаем обе****, и в некотором смысле даже чувствуем себя привилегированным сословием благодаря тому, что одинаково вольно дышим и в старом, и в новом, то есть способны к такому дыханию. В плане природном мы суть некие феномены этой гармонии. В плане же символическом мы, вероятно, будем впоследствии значить, как знак моста или звена* (выделено мной – Т. М.)» [Берберова 1996: 65]; описание общения с А. Ахматовой в «*Петербургских зимах*» Г. Иванова и др.). Сама популярность мемуарного жанра в творчестве эмигрантов иллюстрирует стремление сохранить прошлое в настоящем, без чего личность эмигранта не может ощутить собственную экзистенцию. Поэтому в основу типичной композиции литературных мемуаров положен принцип единства *прошлого* как *вечного* и *настоящего*.

Будем считать, что модель метафоры с исходной понятийной сферой «*дорога/путь*» может быть признана в интенциях авторов-эмигрантов одной из ведущих.

Она характеризуется рядом важных свойств, к числу которых, следуя А. П. Чудинову, следует относить иерархическое устройство, открытость, способность к более детальному развертыванию [Чудинов 2001: 38–43, 172-176]. Это обнаруживается на уровне текста путем выделения смысловых групп с метафорическим наполнением благодаря авторским интенциям.

Смысловая группа «*Перемещение в пространстве и транспортное средство*» представлена лексемами с нейтральным наполнением, авторские интенции придают ей метафорическое наполнение. К примеру, лексема *поезд* обладает вполне нейтральной окраской, когда речь идет о детской поездке в гости к родственникам отца в «Курсиве» Н. Берберовой. Но уже переезд на поезде к родственникам отца из революционного Петрограда, возвращение в Петроград, отъезд в Москву с Ходасевичем за визами, отъезд в Берлин у Н. Берберовой модифицируют нейтральную окраску лексемы *поезд* вследствие включения когнитивного механизма, благодаря которому устанавливается связь между поездом как средством передвижения и изгнанием. То же наблюдается у И. Одоевцевой в «*На берегах Невы*» при описании поездки за визами в Москву, отъезде из России.

Лексема *побег* изначально используется в мемуарах для сгущения смысла при описании и объяснении авторами отъезда из Петрограда. Так, побег из революционного Петрограда за границу по льду Финского залива супругов Мережковских, кроме описания реалий, в процессе авторских интенций приобретает глубинный метафорический смысл – бегство из места несвободы, что напрямую соотносится с глубинным наполнением библейской метафоры *исхода*.

Корабль в мемуарном дискурсе, кроме смыслового наполнения средства передвижения, при включении метафорического смысла исхода обретает дополнительные коннотации, соотносясь с библейским Ноевым ковчегом (см. к примеру, отплытие из Крыма семьи Вл. Набокова в произведении «*Другие берега*»).

Повествование о переселении – переселение из Берлина на виллу М. Горького, затем в Париж, переселение внутри Парижа в «*Курсиве*» Н. Берберовой, переселение евреев после оккупации Парижа фашистскими войсками в концлагеря – несет двойное наполнение. Во-первых, оно коннотативно соотносится с блужданием народа Израиля в течение 40 лет в пустыне, что актуализирует в коммуникативном модусе «автор-читатель» глубинные коннотации с библейскими событиями; во-вторых – обозначает утрату свободы (перемещение в концлагерь), то есть в рамках эмигрантского сознания означает худшее, что может произойти с личностью.

Смысловая группа «*Участники перемещения*» и входящие в нее метафоры являются отражением метафорического переосмысления понятия «эмигрант» и характеризуют его в соответствии с целью перемещения. Мемуаристы для образного представления эмиграции в основном используют поэтическую лексику: *скитальцы*; *странники*.

Вторая модель функционирования библейских метафор *изгнания/исхода* может быть названа «*свой-чужой*», потому что в ее основу положены представления авторов-эмигрантов о культурной идентичности в модусе «*свой-чужой*». Правомочность выделения подобной модели объясняется тем, что, как известно, концептуальные маркеры «*свой*» и «*чужой*» являются константными для культурного сознания в целом [Степанов 2001: 480].

В мемуарном дискурсе русской эмиграции понятие «*свой*» осознается не только в этническом плане. В первую очередь речь идет о принадлежности к свободным людям, противостоящим «*чужим*», соглашающимся жить в условиях несвободы, то есть, в соответствии с древнейшей коннотацией, рабам [Степанов 2001: 135–136]. Именно принадлежность к свободным людям оправдывает и объясняет выбор эмигранта в пользу изгнания: «*Эмиграция, и в этом ее очарование, ее притяжение, всегда тянет человека (если это человек, а не обывательский пень) – своей* ***свободой****. И вот я, прожив в эмиграции без малого шестьдесят пять лет, разве я бы хотел быть не эмигрантом! Нет. Бывали, конечно, слабые минуты в эмигрантской жизни, в самом начале, когда мне хотелось опять „прилепить свои подошвы“ к родной земле. Но они были очень редки и слабы. И всегда это* ***чувство родины*** *во мне подавлялось – чувством* ***свободы****. Что я люблю больше всего в мире? Свою* ***свободу****. Какую* ***свободу****? Очень простую. Физическую* ***свободу передвиженья****, которой на родине нет.* ***Духовную свободу*** *– „мыслить и страдать“, которой на родине нет. И, наконец,* ***свободу демократического государства*** *<…>*» [Гуль http].

Поскольку все типы концептуальной метафоризации основаны на ассоциативных связях в пределах человеческого опыта, концептуальная метафора соизмеряет разные сущности, формируя на их основе новый гносеологический образ. Именно такой путь проходит в сознании эмигранта собственно эмиграция, описываемая метафорически как *изгнание* [Берберова 1996: 40, 170 и др.]: изгнание/исход есть способ обретения свободы. Так в эмигрантском сознании библейские метафоры слились, сформировав новый смысл: эмиграция – добровольное изгнание во имя сохранения свободы: «*Теперь я хорошо знаю, что не все решительные и бесповоротные действия мои на протяжении шестидесяти лет были результатом сознательного решения:* ***отъезд из России в 1922 году*** *<…>, этот выбор давал мне* ***сознание силы жизни и свободы****, острое ощущение „электрического счастья“ <…> И ощущение «электрического счастья» не уменьшалось от того, что выбор мой был частично обусловлен законами времени, то есть законами биологическими и социальными*» (выделено мной – Т. М.) [Берберова 1996: 41]. Примеры формирования нового образа во множестве присутствуют в мемуарах и даже порой вынесены в заглавие (см., к примеру: Г. Адамович «*Одиночество и свобода*»).

Изгнание и страдание в Библии слиты воедино. В 1926 г. Д. Мережковский писал: «*Что такое эмиграция? Только ли путь с родины,* ***изгнанье****? Нет и возвращение, путь на родину. Наша эмиграция – наш путь в Россию. Emigrare значит „выселяться“. Слово это для нас неточно. Мы не выселенцы, а переселенцы из бывшей России в будущую. Два пути переселения: один – там, в бывшей России, через страшную родную* ***пустыню****, другой – здесь, через* ***пустыню*** *міра: два крестных пути, и мы не знаем какой их них более крестный…*» [Вестник РХД 2006: 244]. Мережковский чувствовал, что эмиграция будет длиться долго, может быть, Россия окажется утраченной для него навсегда: «***сорок лет, может быть, будем блуждать в пусты-***

не**, и кости наши в нее падут, но мы должны идти через нее в **Обетованную землю» (выделено мной – Т. М.) [Вестник РХД 2006: 244]. В этом высказывании Мережковского библейские концептуальные метафоры *изгнания/исхода* представлены в развернутом виде: составляющими концептуальных метафор явились ***пустыня*** (*родная* и *пустыня мира*), ***сорок лет блуждания по пустыне, Обетованная земля***.

Таким образом, выделяемая модель «*свой-чужой*» может иметь следующую структуру.

Смысловая группа «*Эмигрант – представитель русского культурного гнезда за пределами родины*». Здесь имеются в виду пристрастия эмиграции к таким формам творческого общения, как литературный салон, клуб, литературное общество, журнал и газета. Именно исход из пространства несвободы позволяет сохранить культурные ценности, по мысли авторов эмиграции (см. опять-таки знаковую формулу «*Мы не в изгнании, мы – в послании*»). Подробное описание этих форм общения творческих личностей в эмиграции находим у Ю. Терапиано [Терапиано 1987], Н. Берберовой («*Курсив мой*»), И. Одоевцевой («*На берегах Сены*»).

В эмиграции воскресает образ русской культурной жизни, свойственный дореволюционному периоду, что и обнаруживается у Г. Иванова («*Петербургские зимы*», «*Китайские тени*», «*Воспоминания*»). Кроме того, образ *гнезда* (коннотативно соотносимый не только с родительским домом (Н. Берберова), но и с жизнью до революции) в мемуарах наполняется метафорическим смыслом и встречается в указанный период не только в мемуаристике русской эмиграции, но и в текстах «материковой» литературы.

Смысловая группа «*Отношение эмигранта к проблеме возвращения на родину*». Здесь речь идет о непростом выборе, связанном со сложным комплексом чувств автора-эмигранта, в основе которого лежит ностальгия. Метафорически это выражается в актуализации таких глубинных смыслов библейских метафор изгнания/исхода, как блуждание 40 лет по пустыне и достижение Земли Обетованной.

Пребывание в эмиграции, как уже было показано на примере высказывания Д. Мережковского, соотносится с блужданием в пустыне, а образ Земли Обетованной закрепляется за далекой Россией. В соответствии с библейской метафорой, достичь Земли Обетованной многим не дано. Но в этом плане благодаря авторским интенциям метафора разворачивается, создавая новый образ: достижение Земли Обетованной невозможно по причине нежелания ее достигнуть. Если мы вспомним, что ключевым понятием эмигрантского сознания является свобода, а утраченная родина (она же Земля Обетованная) мыслится территорией несвободы, то образ окрашивается в цвета высокой трагедии. Свободная личность добровольно обрекает себя на существование вдали от родины (блуждание в пустыне) без всякой надежды на возвращение (достижение Земли Обетованной) домой.

***

Проведенный анализ привел к следующим выводам:

- Мемуарный текст как одна из форм коммуникации автора-писателя с читателем функционирует с учетом авторских интенций, анализ которых углубляет представление об авторском замысле. Для мемуарного дискурса русской эмиграции характерно метафорическое воплощение интенций, восходящее к одной из доминант авторского сознания первой половины XX столетия – мифологизации реальности. В эмиграции внутренне близкой стала метафоризация с использованием метафор *изгнания/исхода*, имевших давнюю традицию литературных воплощений и игравших важную роль в культуре.
- Указанные метафоры должны рассматриваться как способ воплощения в мемуарном тексте процессов осмысления трагедии эмиграции и как продолжение эсхатологических аспектов русской литературы рубежа XIX–XX веков.
- В ходе исследования благодаря определению концептуальной природы библейских метафор *изгнания/исхода*, а также выделению и изучению функционирования смысловых групп, представленных определенными лексемами, появилась возможность говорить о воплощении метафорических повествовательных моделей двух типов: с исходной понятийной сферой «*дорога/пространство*» и с базовыми компонентами в модусе «*свой-чужой*», в которой в авторском сознании мемуариста-эмигранта категории «*свой*» и «*чужой*» соотносятся с категориями *свободы/несвободы*.
- Проведенный анализ продемонстрировал, что трагедия утраты родины разделяется в авторском сознании на две части – осознание собственной вины за произошедшее (интерпретация библейского мифа об изгнании и коннотативно соотносимого с ним пратекста – мифа о грехопадении и изгнании из Рая) и освобождение от рабства/обретение духовной свободы (интерпретация библейского сюжета книги Исхода), а также выявил характерные особенности авторских интенций.

Избранный ракурс исследования позволил углубить представление о природе коммуникативного акта в мемуарах, чему способствовало выделение языковых средств выражения целевого назначения. Учитывая, что интенция обычно не выражается в тексте вербально, выделение указанных средств выражения как когнитивно-стилистических приемов автора позволило раскрыть литературные значения, порождаемые исторически сложившимся, социально определенным комплексом культуры – в данном случае, эпохи Серебряного века, а также культуры русского Зарубежья.

Применение указанной методологии может помочь в дальнейшем изучении картины мира автора-эмигранта и способствовать более точному пониманию творческого сознания художника, жившего в эпоху исторического перелома, в ситуации, символизирующей разрушение прежнего образа жизни и описывающего пережитое и переосмысленное сквозь временную перспективу и новый человеческий и творческий опыт, полученный при соприкосновении с иными формами и типами культуры.

Для эмигрантов литература была практически единственной незыблемой основой культурного и национально-исторического единства, оказавшись в тот

момент, по замечанию М. Арцыбашева, «по преимуществу литературой мемуаров и человеческих документов». Рассмотрение этих «человеческих документов» в указанном направлении – таким, в том числе, представляется дальнейшее постижение мемуарного наследия русской эмиграции.

ЛИТЕРАТУРА

Берберова Н. Курсив мой. – М.: Согласие, 1996. – 734 с.

Библия Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – 2013. – 1225 с.

Бочаров С. Г. «Европейская ночь» как русская метафора: Ходасевич, Муратов, Вейдле [Электронный ресурс] // Филологические сюжеты. – Режим доступа: https://librolife.ru/g4290326 (дата обращения: 20.08.2018).

Вестник РХД. – 2006. – № 191.

Гаранин Л. Я. Мемуарный жанр советской литературы: Историко-теоретический очерк. – Мн.: Наука и техника, 1986.

Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. – Л.: Художеств. лит., 1977.

Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Glaz/01.php (дата обращения: 29.04.2018).

Громова А. В. Жанровая система творчества Б. К. Зайцева: литературно-критические и художественно-документальные произведения: автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Орел: Орлов. гос. ун-т, 2009.

Гуль Р. Я унес Россию. Апология русской эмиграции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dk1868.ru/history/gul3_1.htm (дата обращения: 20.09.2018).

Демидова О. Р. Метаморфозы в изгнании: Литературный быт русского зарубежья. – СПб.: Гиперион, 2003. – 296 с.

Долинин К. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1985. – 288 с.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1881. Январь. Глава вторая. IV. Вопросы и ответы // Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений: в 15 томах. – СПб.: Наука, 1995. – Т. 14. – С. 508–513.

Жидков В. С. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть / В. С. Жидков, К. Б. Соколов. – СПб.: Алетейя, 2001.

Каверзина А. В., Журавлева А. М., Чернышов М. Ю. Смысловая структура метафоры и логические принципы ее формирования // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 11. – С. 28–32.

Колядич Т. М. Воспоминания писателей, проблемы поэтики жанра. – М., 1998.

Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fedy-diary.ru/html/072009/demon.html (дата обращения: 15.01.2019).

Кузнецова А. А. Идейное и художественное своеобразие мемуарной прозы второстепенных писателей русской литературной эмиграции (Н. Берберова, И. Одоевцева, В. Яновский): автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 2005.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 126–170.

Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. – М., 1970.

Мегрелишвили Т. Нарратология русской романтической поэмы // Современные проблемы литературоведения. II. – Тбилиси: Институт грузинской литературы им. Шота Руставели, 2008. – С. 132–140.

Мегрелишвили Т. Мемуарная проза русской эмиграции (1920–1960): автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. университета, 2005. – 75 с.

Мегрелишвили Т. Тоталитаризм сквозь призму остранения: мифологизация русского сознания как черта времени в эмигрантском мемуарном тексте «первой волны» // Тоталитаризм и литературный дискурс: материалы международной конференции. – Тбилиси: Институт грузинской литературы им. Шота Руставели, 2010. – С. 119–129.

Мегрелишвили Т. Мифотворчество как элемент литературного быта русского Парижа (1920–1940) // Мир русского слова и русское слово в мире. МАПРЯЛ. Общество русистов Болгарии. Материалы Всемирного XI Конгресса МАПРЯЛ. В 11-ти т. – Sofia: Heros Press, 2007. – Т. 7. Русская литература: история и современность. – С. 309–315.

Местергази Е. Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века):

REFERENCES

Berberova N. Italics is mine. – M.: Soglasie, 1996. – 734 p.

Bible Scripture Books of the Old and New Testaments. – 2013. – 1225 p.

Bocharov S. G. “European Night” as a Russian metaphor: Khodasevich, Muratov, Veidle [Electronic resource] // Philological plots. – Mode of access: https://librolife.ru/g4290326 (date of access: 20.08.2018).

Bulletin RHD. – 2006. – № 191.

Garanin L. Ya. Memoir genre of Soviet literature: Historical and theoretical essay. – Mn.: Science and technology, 1986.

Ginzburg L. Ya. About psychological prose. – L.: Imaginative Literature, 1977.

Glazunova O. I. The logic of metaphorical transformations [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Glaz/01.php (date of access: 29.04.2018).

Gromova A. V. The genre system of creativity B. K. Zaitsev: literary-critical and artistic and documentary works: thesis abstract … Doctor of Philology. – Orel: Orel State University, 2009.

Gul R. I took Russia. Apology of Russian emigration [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.dk1868.ru/history/gul3_1.htm (date of access: 20.09.2018).

Demidova O. R. Metamorphosis in Exile: The Literary Life of the Russian Abroad. – SPb.: Giperion, 2003. – 296 p.

Dolinin K. A. Text interpretation. – M.: Prosveshenie, 1985. – 288 p.

Dostoevsky F. M. Diary of a writer. 1881. January. Chapter two. IV. Questions and answers // F. M. Dostoevsky. Collected Works: in 15 volumes. – SPb.: Nauka, 1995. – V. 14. – P. 508–513.

Zhidkov V. S. Ten centuries of the Russian mentality: a picture of the world and power / V. S. Zhidkov, K. B. Sokolov. – SPb.: Aletheia, 2001.

Kaverzina A. V., Zhuravleva A. M., Chernyshov M. Yu. The semantic structure of the metaphor and the logical principles of its formation // Bulletin of the Buryat State University. – 2013. – № 11. – P. 28–32.

Kolyadich T. M. Memories of writers, problems of poetics of the genre. – M., 1998.

Companion A. Demon theory. Literature and common sense [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.fedy-diary.ru/html/072009/demon.html (date of access: 15.01.2019).

Kuznetsova A. A. The ideological and artistic originality of the memoir prose of the minor writers of Russian literary emigration (N. Berberova, I. Odoevtseva, V. Yanovsky): thesis abstract … Candidate of Philology. – M., 2005.

Lakoff J., Johnson M. Metaphors we live by // Language and social interaction modeling. – M., 1987. – P. 126–170.

Likhachev D. S. The man in the literature of ancient Russia. – M., 1970.

Megrelishvili T. Narratology of the Russian romantic poem // Modern problems of literary criticism. II. – Tbilisi: Institute of Georgian Literature named after Shota Rustaveli, 2008. – P. 132–140.

Megrelishvili T. Memoir prose of Russian emigration (1920–1960): thesis abstract … Dr. of Philology. – Tbilisi: Publishing House of the Tbilisi State University, 2005. – 75 p.

Megrelishvili T. Totalitarianism through the prism of exclusion: the mythologization of the Russian consciousness as a feature of time in the émigré memoir text of the “first wave” // Totalitarianism and Literary Discourse: Proceedings of the International Conference. – Tbilisi: Institute of Georgian Literature named after Shota Rustaveli, 2010. – P. 119–129.

Megrelishvili T. Myth-making as an element of the literary life of the Russian Paris (1920–1940) // The world of the Russian word and the Russian word in the world. MAPRIAL. Russian Society of Bulgaria. Materials of the World XI Congress MAPRYAL. In 11 v. – Sofia: Heros Press, 2007. – V. 7. Russian literature: history and modernity. – P. 309–315.

Mestergazi E. G. Literature and reality (documentary beginning in Russian literature of the 20th century): thesis abstract … Dr. of Philology. – M.: IMLI named after A.M. Gorky RAS, 2008.

Nabokov V. V. Other shores / entry article by V. Erofeev. – M., 1998.

автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2008.

Набоков В. В. Другие берега / вступ. статья В. Ерофеева. – М., 1998.

Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 464 с.

Новожилова А. М. Петербургские дневники Зинаиды Гиппиус («Синяя книга», «Черные тетради», «Чёрная книжка», «Серый блокнот»): проблемы поэтики жанра: автореф. дис. … канд. филол. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2004.

Пивоев В. М. Ирония как феномен культуры. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. – 106 с.

Радзиевская Т. В. Текстовая коммуникация. Текстообразование // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – С. 79–108.

Словарь библейских образов / под общей ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана. – СПб, 2005. – 1426 с. – («Библия для всех»).

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.

Стоянова Т. Н. Книга А. М. Ремизова «Взвихренная Русь»: формирование поэтики: автореф. дис. … канд. филол. наук. – СПб.: СПГУ, 2003.

Тартаковский А. Мемуары участников Отечественной войны 1812 г. – М., 1979.

Ткаченко О. С. Жанровое своеобразие прозы В. Ф. Ходасевича: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тверь, 2001.

Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека. – Р.; N. Y., 1987.

Трубецкой С. Е. Минувшее. – М.: ДЭМ, 1991.

Чернышов М. Ю. На пути к лингвистике XXI века: новый поворот. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2008. – Ч. 2. Система артиклей английского языка. Т. 4. Анализ функций артиклей английского языка. – 239 с.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

Шайтанов И. О. «Непроявленный жанр» или литературные заметки по мемуарной форме // Вопросы литературы. – 1979. – № 2. – С. 76.

Шайтанов И. О. Как было и как вспомнилось (Современная автобиографическая и мемуарная проза). – М.: Знание, 1981.

Nikolina N. A. Poetics of Russian autobiographical prose: tutorial. – M.: Flinta: Nauka, 2002. – 464 p.

Novozhilova A. M. The Petersburg Diaries of Zinaida Hippius (Blue Book, Black Notebooks, Black Book, Gray Notebook): Problems of the Poetics of the Genre: thesis abstract … Candidate of Philology / Russian State Pedagogical University named after A. I. Gerchen. – SPb., 2004.

Pivoev V. M. Irony as a cultural phenomenon. – Petrozavodsk: Publishing House of the Petrozavodsk State University, 2000. – 106 p.

Radzievskaya T. V. Text communication. Text formation // Human factor in language: Communication, modality, deixis. – M.: Nauka, 1992. – P. 79–108.

Dictionary of Bible images / edited by L. Raikov, J. Wilhoit, T. Longman. – SPb, 2005. – 1426 p. – («Bible for all »).

Stepanov Yu. S. Constants: Dictionary of Russian Culture. – 2nd edition, revised and enlarged. – M.: Academic project, 2001. – 990 p.

Stoyanova T. N. The book of A. M. Remizov "Swirling Rus": the formation of poetics: thesis abstract … Candidate of Philology. – SPb.: SPSU, 2003.

Tartakovsky A. Memoirs of the participants of the Patriotic War of 1812. – M., 1979.

Tkachenko O. S. Genre originality of the prose of V. F. Khodasevich: thesis abstract … Candidate of Philology. – Tver, 2001.

Terapiano Yu. Literary life of Russian Paris for half a century. – Paris – N. Y., 1987.

Trubetskoy S. E. Past. – M.: DEM, 1991.

Chernyshov M. Yu. On the way to XXI century linguistics: a new twist. – Irkutsk: Publishing House of ISLU, 2008. – P. 2. English language article system. V. 4. Analysis of the functions of the articles of the English language. – 239 p.

Chudinov A. P. Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000): monograph. – Ekaterinburg, 2001. – 238 p.

Shaitanov I. O. "Unmanifested genre" or literary notes on the memoir form // Literature questions. – 1979. – № 2. – P. 76.

Shaitanov I. O. How it was and how it was recalled (Modern autobiographical and memoir prose). – M.: Znanie, 1981.

Данные об авторе

Мегрелишвили Татьяна Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, департамент иностранных языков и литературы, Грузинский технический университет (Тбилиси, Грузия).

Адрес: 0136, Грузия, г. Тбилиси, ул. Костава, 77.

E-mail: tatamegre@gmail.com.

Author's information

Megrelishvili Tatiana Grigorievna – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Language and Literature, Georgian Technical University (Tbilisi, Georgia).